

236

Полковникъ Генеральнаго Штаба П. М. Андриановъ.

М

ОЧЕРКИ ВОЙНЫ

(Письма изъ Дѣйствующей Арміи).

—
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.
—

ОДЕССА.

Типографія „Одесскаго Листка“.
1915.

90

42

Полковникъ Генеральнаго Штаба П. М. Андриановъ.

16^{1/2} р.
Δ 178

БТ 72
А 659

ОЧЕРКИ ВОЙНЫ

(Письма изъ Дѣйствующей Арміи).

—
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.
—

ОДЕССА.
Типографія „Одесскаго Листка“.
1915.

Глубокій тылъ.

Все глубже и шире, какъ стихійно грозное явленіе, не зависящее отъ воли и силы людей, война захватываетъ и нашу великую необъятную родину и всё государства, попавшія въ кровавый водоворотъ войны. Уже цѣлый годъ грознымъ кошмаромъ виситъ надъ воюющими странами призракъ войны, уже цѣлый годъ потоками льется кровь, но кровавый споръ еще не разрѣшенъ, напряженіе воюющихъ возрастаетъ, кризисъ войны—еще впереди.

Россія воюетъ съ чистымъ сердцемъ, съ чистой совѣстью. Наша родина была менѣе подготовлена къ этой войнѣ въ техническомъ отношеніи, но зато сознание правды дало такой неизсякаемый запасъ энергии всему русскому народу, что по мѣрѣ развитія кровавыхъ событій наши силы не только не уменьшились, но, наоборотъ, росли, крѣпли, совершенствовались. Временныя военныя неудачи ни на одну минуту не смутили духа доблестной русской армии. Этотъ духъ бодръ и въ немъ залогъ нашего окончательнаго успѣха.

Передо мной картина глубокаго тыла. Поѣздъ быстро мчится по знакомымъ, давно уже намелькавшимся въ глазахъ мѣстамъ. Война еще далеко, но ея дыханіе, бѣненіе ея пульса чувствуется за сотни верстъ отъ поля брани. Глубокій тылъ, которымъ можно считать всю великую нашу необъятную родину, живетъ для фронта. Мало по малу все въ странѣ приспособилось для обслуживания армии. Милліоны людей, не видяще войны, не слышаще грохота выстрѣловъ, живутъ только войною и для войны. Страна шлетъ на фронтъ по желѣзнымъ колеямъ, какъ по артеріямъ какого-то грандіознаго организма, все нужное, все пригодное для войны. для боя, для побѣды, и въ то-же время на встрѣчу этимъ длиннымъ краснымъ грохочущимъ левтамъ оттуда, съ фронта несутся встречные поѣзда, увозящие изъ армии все лишнее, все отработанное, все обременяющее. Ря-

домъ съ артеріями проходятъ вены, по которымъ идетъ отливъ.

Воинское движеніе теперь, конечно, преобладаетъ надъ всякимъ другимъ видомъ перевозокъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ.

То и дѣло мчатся одинъ за другимъ воинскіе эшелоны. Изъ открытыхъ теплушекъ льется веселая, бодрая пѣсня солдатская, подъ аккомпаниментъ задорной гармоникки. Пѣсня неразлучна съ русскимъ человѣкомъ. Въ ней выливается онъ и горе, и радость свою. Солдатская-же пѣсня почти всегда бодрая, веселая. Не много въ ней подчасъ глубокаго смысла, но зато широкой размахъ, удалъ.

Платформы плотно нагружены всякимъ войсковымъ добромъ. Войска стараются захватить съ собою, какъ можно больше, такъ называемаго, «сверхштатнаго» имущества. Надѣясь при его помощи создать себѣ на войнѣ возможный уютъ, многое изъ этого «сверхштатнаго» впоследствии приходится бросать, но расстаются съ нимъ крайне неохотно.

Среди красныхъ солдатскихъ теплушекъ синѣютъ и желтѣютъ офицерскіе классные вагоны. Въ нихъ ѣдутъ на поле брани руководители нашихъ бойцовъ отъ юныхъ безусыхъ прапорщиковъ до убѣленныхъ сѣдинами генераловъ.

Не легкое дѣло выпало на долю нашего команднаго состава въ эту безпримѣрно тяжелую, безпримѣрно упорную войну. Потребовалось и требуется теперь крайнее напряженіе всѣхъ интеллектуальныхъ силъ команднаго состава армии. Для побѣды, кромѣ личной отваги, кромѣ готовности принести себя въ жертву общему дѣлу, нужны глубокаго познанія во многихъ наукахъ, необходимо многогранное техническое образованіе, нужно обладать способностью и навыкомъ распоряжаться, такъ какъ на каждомъ шагѣ сложные вопросы, требующіе немедленнаго разрѣшенія. И все это есть въ средѣ нашего офицерства. Не только офицеры дѣйствительной службы, но и призванные изъ запаса и отставки,

инженеры, земскіе начальники, судьи, фабриканты, люди свободныхъ профессій очень быстро втягиваются въ работу и вносятъ свою лепту въ общую грандиозную сокровищницу. Безъ такой совмѣстной работы команднаго состава, работы отъ сердца, армія не могла-бы оставаться на должной высотѣ.

Люди интеллигентнаго труда, оторванные отъ домашняго очага, оторванные отъ своего дѣла, своей профессіи, ѣдутъ къ новому незнакомому, необычайному, незнакомому для многихъ дѣлу. Мысль пылливо работаетъ, воображеніе старается нарисовать грядущую картину, но изъ всего прочитаннаго, прослушаннаго, видѣннаго на картинахъ и на экранѣ кинематографа можно представить, да и то смутно отдѣльные эпизоды войны; общая же ея картина остается туманной и неуловимой.

Офицерскій составъ нашей арміи въ массѣ во всей своей, такъ-сказать, толщѣ удивительно серьезно и добросовѣстно относится къ своимъ обязанностямъ, въ чемъ-бы онѣ ни заключались. Работа у всѣхъ тяжелая, часто требующая крайняго нервнаго напряженія, конечно, сопряженная съ опасностью для здоровья и для жизни, и все-же ее исполняютъ бодро и стойко. Отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, въ первые моменты, когда все еще полно воспоминаніями объ оставленномъ, нельзя, конечно, избѣжать известной грусти, но живая, кипучая работа быстро захватываетъ, тосковать нѣтъ времени. Все близкое и дорогое, все покинутое укладывается въ укромный тайникъ сердца и тамъ горитъ, какъ лампада, мигаетъ какъ далекая звѣздочка...

Быстро мелькаютъ станціи одна за другой. Остановки короткія. Желѣзныя дороги вполне приспособились къ нуждамъ войны и значительно превосходятъ всѣ расчеты о провозоспособности.

Въ исторіи войны, конечно, не мало почетныхъ страницъ будетъ отведено желѣзнодорожникамъ, вотъ уже цѣлый годъ исполняющимъ очень сложное, очень тяжелое дѣло. Безъ особаго порыва, подчасъ даже виртуозности служащихъ, желѣзныя дороги не дали-бы столь продуктивныхъ результатовъ. Чувствуется, что и здѣсь, на всѣхъ этихъ быстро мелькающихъ станціяхъ и полустанкахъ

чутко прислушиваются къ тому, что происходитъ тамъ, гдѣ гремятъ выстрѣлы и льется кровь и не только прислушиваются всѣ эти люди, работающіе у рельсъ къ шуму далекихъ битвъ, но вкладываютъ всю свою душу въ свое дѣло, прекрасно сознавая, что для побѣды желѣзныя дороги могутъ сдѣлать не меньше подчасъ, чѣмъ пушки, ружья и пулеметы.

Чѣмъ ближе къ фронту, тѣмъ необычайнѣе обстановка на станціяхъ. Всюду мелькаютъ военныя формы. Въ нихъ люди самыхъ разнообразныхъ ранговъ. Военное дѣло теперь стало очень сложнымъ и развѣтвилось на множество профессій. Армія стала собирательнымъ понятіемъ, сплотила въ одно цѣлое многихъ людей.

Такъ называемыя спеціальныя войска вспомогательнаго назначенія приобрѣли въ нынѣшнюю войну огромное значеніе: саперы, телеграфисты, понтоны, летчики, автомобилисты, мотоциклетисты—все это нужные люди при нынѣшнихъ приемахъ веденія войны. Безъ нихъ не обойтись и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ бодрѣ чувствуютъ себя главные рода войскъ, выносящие на своихъ плечахъ главную тягость войны.

Среди военныхъ повсюду неотступно Красный Крестъ. Онъ все осѣняетъ. Онъ на бѣлыхъ санитарныхъ вагонахъ, на бѣлыхъ флагахъ, развѣвающихся надъ станціонными зданіями, на повязкахъ уполномоченныхъ санитаровъ, сестеръ милосердія. Лазареты, санитарные отряды, питательные пункты мелькаютъ на каждомъ шагѣ.

Кромѣ государственнаго попеченія на помощь раненымъ и больнымъ воинамъ, приходятъ всѣ общества, союзы, благотворительныя учрежденія и отдѣльныя лица. Какихъ только наименованій нѣтъ подъ знакомъ Краснаго Креста: земства, города, банки, желѣзнодорожныя, пароходныя предприятия, всѣ шлютъ впередъ какъ можно ближе къ мѣстамъ боевъ свои лазареты, свои питательные пункты. Въ нихъ хлопотливо работаютъ тысячи людей, преданныхъ тяжелому дѣлу попеченія о больныхъ и раненыхъ. Красный Крестъ спасаетъ сотни тысячъ жизней и облегчаетъ страданія огромному числу людей, ставшихъ жертвою войны.

Каким-то печальным диссонансом среди общего военного тона являются одинокие пассажиры, забившиеся в уголки станционных помѣщеніи. Это тоже жертвы войны. Однихъ военныя обстоятельства спугнули съ насиженныхъ родныхъ мѣстъ, другіе лишились хлѣба и крова, третьи потеряли близкихъ. Много женщинъ въ траурѣ, много пугливо озирающихся дѣтей. Веселыхъ жизнерадостныхъ пассажировъ теперь не встрѣтишь. Теперь на вокзалы, на станціи людей гонитъ только крайняя нужда, подчасъ катастрофа...

Все ближе къ фронту—колоритъ становится все болѣе необычайнымъ. Туда впередъ тянутся эшелоны съ войсками, транспорты съ разной военной кладью, тысячи людей и груженныхъ повозокъ. Картина такая, какъ на маневрахъ. Противникъ еще далеко впереди. Доносятся выстрѣлы тяжелыхъ орудій, какъ очень отдаленные раскаты грома. По всѣмъ направленіямъ переброшены проволочныя линии полевыхъ телеграфовъ и телефоновъ.

Тамъ недалеко впереди гремятъ выстрѣлы, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ фронта собираютъ обильный урожай — косятъ, жнутъ, увозятъ хлѣбъ. На проѣзжающихъ автомобили съ испугомъ и любопытствомъ смотрятъ изъ за заборовъ дѣти.

Война многихъ спугнула, но многие не хотятъ до послѣдней крайности, до послѣдняго момента, покидать насиженные мѣста и лишь подъ градомъ пуль бѣгутъ въ сторону отъ поля битвы, съ тѣмъ, чтобы возвратиться сюда при первой-же возможности и снова поселиться среди руинъ.

Очень отрадное впечатлѣніе производить работа большихъ штабовъ въ ближайшемъ тылу войскъ. Штабы армій и корпусовъ малолюдны; не видно лишнихъ, безъ дѣла слоняющихся людей. Но зато всѣ наличные работники заняты по горло. Преобладаетъ молодой составъ. Работа спорится. Техника управле-

нія войсками налажена отлично. Обильныя средства связи даютъ полную возможность быстро ориентировать войска, быстро обмѣниваться свѣдѣніями. Всѣ привыкли къ телеграфу, телефону, автомобилю, мотоциклеткамъ. Не успѣетъ какая-либо часть стать въ указанномъ ей мѣстѣ, какъ тотчасъ-же во всѣ стороны къ ней и отъ нея тянутся проволоки и она включается въ общую сеть войсковыхъ телефоновъ и телеграфовъ, присоединяясь къ огромному живому организму армии.

Еще нѣсколько словъ о настроеніи: оно здѣсь на мѣстѣ, гдѣ происходятъ кровавыя событія, гдѣ ужасы войны превосходно. Годъ войны не понизилъ того бодрого настроенія, съ которымъ выступила наша армія на поле брани. Если отбросить отдѣльныхъ нитиковъ съ потрепанными нервами и присяжныхъ песимистовъ, всегда и во всемъ видящихъ только дурное, то получается превосходное впечатлѣніе о настроеніи въ рядахъ войскъ. Противникъ, несмотря на свои нѣкоторые успѣхи, не сумѣлъ внушить къ себѣ уваженія, не сумѣлъ смутить геройскаго духа нашихъ войскъ. Его успѣхи въ рядахъ нашей армии учитываются какъ временное явленіе, которое очень скоро должно измѣниться въ нашу пользу.

Въ окончательномъ торжествѣ русскаго оружія въ арміи не сомнѣваются. Въ этомъ отношеніи наблюдается полная увѣренность.

Всѣ здѣсь сознаютъ, что безъ рѣшительной побѣды надъ врагомъ война не кончится и если далеко отъ полей сраженія иногда возникаютъ мрачныя предположенія объ исходѣ войны, то въ арміи, являющейся главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, въ грандіозной кровавой эпопее, такимъ сомнѣніямъ и предположеніямъ нѣтъ мѣста. Это, кажется, почувствовалъ противникъ, потерявшій надежду на благополучный исходъ войны.

Дѣйствующая армія.

На позиціяхъ.

Чѣмъ ближе подходишь къ той огневой линіи, къ которой въ настоящее время протянулась почти непрерывнымъ зигзагомъ отъ Балтійскаго побережья до румынской границы, тѣмъ тусклѣе становятся впечатлѣнія общаго положенія дѣлъ на мировомъ театрѣ войны.

Куда-то далеко отодвинулись Дарданеллы съ ихъ укрѣпленными утесами, подводными батареями и минными загражденіями. Совсѣмъ полекли въ воображеніи прочные, комфортабельные окопы союзныхъ англо-франко-бельгійскихъ войскъ, удерживающіе какъ клѣтки въ звѣринцѣ тевтонскихъ львовъ и тигровъ отъ дальнѣйшихъ прыжковъ. Все отчетливѣе вырастаетъ и вырисовывается передъ взоромъ „свой фронтъ“, своя линія — состоящая изъ мощной цѣпи бойцовъ и главнымъ образомъ плучаешь впечатлѣніе отъ того небольшого участка тысячеверстного фронта, въ который непосредственно попадаетъ. Какъ бинокль, Увеличивая предметъ, ограничиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ поле зрѣнія, такъ и приближеніе къ фронту даетъ ясное вполнѣ понятное представленіе о томъ, что происходитъ только на небольшомъ сравнительно клочкѣ, попадающемъ въ сферу вашего непосредственнаго наблюденія все-же остальное, находящееся внѣ наблюдаемаго вами пространства зачерчивается мало pronounced завѣсой.

Чѣмъ ближе къ демаркаціонной линіи, отдѣляющей наше расположеніе отъ врага, тѣмъ рѣзче и властнѣе захватываетъ и наблюдателя и участника въ свои объятія война.

Нормальная жизнь осталась позади въ очень глубокомъ тылу. Вокругъ васъ новыя явленія, то величественно-грозная, то поражающія своею суровостью, то восхищающія и трогающія до глубины души.

Жизнь здѣсь сплетается съ смертью, радость съ печалью, острое горе съ яркимъ восторгомъ.

Еще въ ближнемъ тылу — куда уже отчетливо доносятся глухіе удары орудійныхъ выстрѣловъ, люди стараются наладить жизнь, создать себѣ удобства, игнорируя то важное, и страшное явленіе, которое происходитъ здѣсь, очень близко и давлѣетъ надъ всѣмъ, окружающимъ. На поляхъ суетливо убираютъ хлѣбъ, въ городахъ и селахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ позицій идетъ торговля, на улицахъ толпы, въ витринахъ магазиновъ выставки. Вездѣ преобладаетъ „военный элементъ“ и каждую минуту напоминаетъ о чрезвычайныхъ событіяхъ, происходящихъ поблизости.

Еще нѣсколько верстъ впередъ — къ противнику и вы окнаетесь въ царство войны. По дорогамъ „туда“ тянутся патронныя ящики, гонятся гурты порціоннаго скота, предназначенные для очереднаго убоя, длинной вереницей, загромаждая дороги, плетутся транспорты съ хлѣбомъ, фуражемъ. Люди должны питаться при вѣсѣ обстоятельствъ и вопросъ своевременнаго и сытнаго питанія арміи одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ на войнѣ, надъ его разрѣшеніемъ задумываются тысячи людей, а надъ выполненіемъ трудятся сотни тысячъ.

Дымящіяся походныя кухни везутъ то днемъ, то ночью приготовленную пищу къ окопнымъ лабиринтамъ, гдѣ она расплывается по солдатскимъ котелкамъ.

„Откуда“ тянутся линейки съ краснымъ крестомъ, грузовые автомобили, или обыкновенныя обывательскія подводы. Въ нихъ — раненые. Тѣ доблестные герои нашей многострадальной арміи — на долю которыхъ выпалъ печальный жребій поспрадать за други. Чѣмъ интенсивнѣе бой, чѣмъ чаще бухаютъ ордія, чѣмъ рѣзче и отчетливѣе отбиваютъ дробь пулеметы и трещатъ ружья, тѣмъ длиннѣе вереница всѣхъ этихъ экипажей, эвакуирующихъ раненыхъ съ поля сраженія. Въ ближайшемъ тылу, за боевыми линіями надъ подачею помощи раненымъ тру-

дятся только военные врачи и санитары. Первые перевязки на полковых перевязочных пунктах дѣлаются часто подъ свистъ пуль. Перевязочные отряды дивизій также не уходятъ въ глубокой тылъ. Къ нимъ тянутся дивизионные лазареты. Женская рука не прикасается къ ранамъ воиновъ на самомъ полѣ сраженія и лишь, миновавъ первыя санитарныя учрежденія, раненый попадаетъ въ такіе пункты, гдѣ начинается заботливое попеченіе женщинъ.

Иногда и близъ самаго фронта боевыхъ позицій, въ тѣхъ мѣстахъ, куда залетають снаряды и пули можно видѣть крестьянъ, трудящихся надъ сборомъ урожая. Даже угроза смерти не можетъ заставить людей отказаться отъ пріобрѣтенія средствъ къ жизни.

Складки мѣстности, холмы, лощины, лѣса и кустарники позволяютъ безнаказанно отъ вражескихъ пуль приблизиться къ фронту позицій. Въ сферѣ артиллерійскаго огня, когда онъ ведется рѣдкимъ темпомъ, и опасность сравнительно не велика и привычка появляется довольно скоро. Визгъ несущагося къ вамъ на встрѣчу отъ противника снаряда опережаетъ звукъ выстрѣла. Становится на мгновение жутко и кажется, что онъ непременно или упадетъ, или разорвется около васъ. Скоро, однако, убѣждаешься, что далеко не каждый снарядъ убиваетъ. Большинство изъ нихъ не попадаетъ и лишь небольшой процентъ сѣетъ смерть и разрушеніе; но и этого малаго процента достаточно, чтобы вырывать огромныя жертвы изъ рядовъ сражающихся.

Высокіе разрывы шрапнели положительно красивы и похожи на свѣтлое облачко, рѣзко выдѣляющееся на небесной лазури. Но когда шрапнель съ визгомъ и сухимъ трескомъ рвется внизу, въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ отъ земной поверхности и осыпаетъ осколками и пулями большой участокъ, пробивая крыши халупъ, блиндажи и козырьки окоповъ, то впечатлѣніе получается сильное.

Когда на вызовъ вражеской артиллеріи, неразсчетливо посылающей снарядъ за снарядомъ, начинаетъ отвѣчать наша артиллерія, настроеніе въ войскахъ быстро повыша-

ется. „Свои“ выстрѣлы звучатъ громче. Улетающій во вражескую сторону снарядъ пріѣтствуется различными благопожеланіями. Подъ сводомъ траекторій, образуемомъ нашими снарядами, пѣхота чувствуетъ себя бодрѣе. Снаряды образуютъ огневую завѣсу, представляющую надежный щитъ. Шрапнель и бомбы, рвущіяся на линіи непріятельскихъ окоповъ, видимо потрясаютъ врага. Его стрѣльба становится безпорядочной, а передвиженія войскъ быстро прекращаются. Противникъ подъ мѣткимъ и почти всегда разрушительнымъ огнемъ нашей артиллеріи быстро прячется въ землю, становится невидимымъ. Только зоркіе артиллерійскіе наблюдатели, наметавшіе глазъ за годъ войны знаютъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ искать врага. По ихъ показаніямъ, откуда-то изъ таинственныхъ невидимыхъ глазомъ складокъ мѣстности съ дикимъ воемъ и скрежетомъ вылетаютъ снаряды и, описавъ дугу на бесконечномъ сводѣ, съ страшнымъ трескомъ рвутся надъ вражескими скопами, засыпая ихъ свинцовымъ дождемъ.

Надъ позиціями точно хищники, высматривающие добычу, вьются аэропланы. Ихъ много. Они на огромной высотѣ перелетаютъ черезъ опасную линію фронта, гдѣ могутъ подвергнуться обстрѣлу, и если удается миновать эту опасную полосу, а обыкновенно это почти всегда удается летчикамъ, свободно гуляютъ по небесному простору въ тылу, зорко высматривая все, интересующее воздушнаго развѣдчика. Но высмотрѣть что-либо дѣльное не легко.

Войска давно уже примѣнились къ новому способу развѣдки и умѣютъ скрыть себя отъ любопытныхъ глазъ, направленныхъ сверху. На поверхности земли всегда находятся предметы, подъ которыми можно скрыться отъ воздушныхъ развѣдчиковъ. Иногда, высмотрѣвъ добычу съ большой высоты, летчикъ бросаетъ бомбу въ намѣченную цѣль. Но попасть, даже въ крупную цѣль, какъ бивакъ войсковой части, или колонну, или большое зданіе, очень трудно. Не менѣе трудно подстрѣлить летчика, плывущаго на большой высотѣ. Шрапнель рвется вокругъ аэрона, но огромная высота и быстрота полета дѣлаютъ артиллерійскую стрѣльбу мало дѣй-

ствивельной. Аэропланы, какъ новый факторъ войны приобрѣли большую цѣнность въ смыслѣ органовъ развѣдыванія и совсѣмъ не страшны, какъ боевое средство. Подъ летящимъ непріятельскимъ аэропланомъ спокойно продолжаютъ дѣлать свое дѣло не только войска, но и мирные жители, имѣющие возможность убѣдиться въ малой дѣйствительности огня съ неба.

Картина обстрѣла аэроплана шрапнельнымъ огнемъ очень эффектная. Чувствуя опасность, воздушный хищникъ извивается, бросается изъ стороны въ сторону, забираетъ высоту и стремится поскорѣе уйти изъ смертоноснаго круга, лопающихся снарядовъ.

Когда это ему удастся и группа бѣлыхъ облачковъ остается позади или далеко въ сторонѣ, хищникъ, радуясь своему успѣху,

гордо мчится по прямой, или описываетъ большіе круги, надъ рекогносцируемой мѣстностью.

Къ боевой линіи съ тыла обыкновенно попадаютъ по зигзагообразнымъ ходамъ сообщеній или глубокимъ окопамъ, идущимъ къ линіи огня. Такіе ходы сообщеній обеспечиваютъ связь между фронтомъ позиціи и ближнимъ тыломъ. Невидимо отъ противника, отъ пытливыхъ его наблюдателей по ходамъ сообщеній непрерывно происходитъ движеніе. Иногда ходы сообщеній не покрываютъ человека во весь его ростъ и приходится идти согнувшись почти ползкомъ.

Противникъ иногда наугадъ стрѣляетъ по ходамъ сообщеній, но попадания могутъ быть лишь случайными.

Дѣйствующая армія.

III.

Въ окопахъ.

Вотъ, я и въ окопахъ, въ тѣхъ окопахъ, что длинной тысячеверстной линіей отдѣляютъ насъ отъ врага. Какое-то особенное чувство охватываетъ при первомъ посѣщеніи этихъ длинныхъ пещеръ, тѣмныхъ свидѣтелей и доблести и страданій нашихъ воиновъ. По свидѣтельству нашихъ враговъ, русскія войска съ изумительнымъ искусствомъ и неподражаемой быстротой возводятъ свои полевые укрѣпленія и совершенствуютъ ихъ, если обстоятельства позволяютъ долго держаться на одной линіи.

И не удивительно! Нашъ солдатъ, преимущественно хлѣбопашецъ по профессіи, близокъ къ землѣ. Никакія земляныя работы не могутъ затруднить его и поэтому успѣхъ окопныхъ работъ всегда у насъ значителенъ. Гребни высотъ, перегибы скаговъ, опушки рощъ и лѣсовъ, железнодорожныя насыпи и выемки, канавы, окаймляющія дороги, все это быстро превращается въ огневую линію. Въ умѣлыхъ рукахъ солдата топоръ, лопата и куркомотышка быстро мелькаютъ, сокрушаютъ вежю, камень и дерево. Изъ под-

ручнаго материала съ поразительной быстротой создаются убѣжища, гдѣ наши воины находятъ для себя укрытіе отъ взоровъ и огня противника, находятъ выгодныя позиціи для веденія затяжного огневого боя.

Теперь въ рѣдкихъ случаяхъ окопы строятся на 2—3 часа и на день боя. Боевыя столкновенія стали очень затяжными и укрѣпленія, возводимыя войсками на полѣ сраженія, обыкновенно служатъ убѣжищемъ на нѣсколько дней, а иногда даже недѣль и мѣсяцевъ.

Въ окопахъ—своеобразная жизнь. Изъ запутаннаго лабиринта ходовъ сообщеній вы попадаете на линію огня. Здѣсь вдоль брустверовъ, прикрытыхъ козырьками и блиндажами отъ навѣснаго огня, располагаются стрѣлки, высматривающіе сквозь аморазуры противника. Особые наблюдатели слѣдятъ за полемъ боя. Достаточно врагу шапелиться, и тотчасъ-же сотни пуль посыпятся изъ узкихъ щелей, откуда выглядываютъ ружейныя дула.

Въ часы затишья напряженность въ окопахъ понижается. За противникомъ слѣдятъ только особо назначенные люди. Остальные занимаются своимъ дѣломъ. Кто чинить одежду, аммуницію, чистить винтов и, на тутъ же устроенныхъ очагахъ въ котелкахъ кипятить воду для чая, варятъ картошку, кукурузу. Эти мирныя развлечения происходятъ подъ рѣдкий свистъ ружейныхъ пуль, пролетающихъ надъ окопами. Иногда безъ всякаго взаимнаго соглашения наступаютъ минуты полного затишья. Стрѣльба съ обѣихъ сторонъ совершенно прекращается и „враги“ покидаютъ группами окопы, ходятъ открыто, собираютъ картофель, приносятъ воду.

Ружейная и пулеметная стрѣльба въ окопахъ переносится безъ особаго нервнаго напряжения. Масса пуль летитъ поверхъ окоповъ черезъ головы бойцовъ. Попадание въ амбразуры ничтожное и убыль при укрытѣмъ расположеніи войскъ не велика. За массой земли и дѣрева войска находятъ надежное укрытіе отъ ружейнаго и пулеметнаго огня и очень быстро къ нему привыкаютъ. „Нормальное“ такъ сказать теченіе окопной жизни нисколько не нарушается: шитье, кипяченіе, варка картошки и кукурузы подъ мелодичное пѣніе пуль продолжается. Когда заговариваютъ орудія, завязать пролетающіе чемоданы, затрещитъ шрапнель, въ окопахъ замѣчается большая нервность. Отъ шрапнели приходится уже укрываться подъ блиндажи и козырьки. Бомбы и гранаты, падая въ окопы производятъ значительное оцѣстощеніе. Слой земли и дѣрева не можетъ надежно защитить отъ разрушительнаго дѣйствія артиллерійскихъ снарядовъ. Но при окопахъ почти всегда имѣются и болѣе глубоки и надежныя убѣжища, гдѣ можно переждать артиллерійскій ураганъ.

Вокъ-о-бокъ съ солдатами коротаютъ окопную жизнь и офицеры. Разницы никакой и въ смыслѣ безопасности и въ смыслѣ комфорта. Офицеры ютятся въ землянкахъ-пещерахъ: при своихъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ. Даже командиры полковъ часто лишены самыхъ примитивныхъ удобствъ и ютятся въ теченіе многихъ дней въ маленькихъ землянкахъ. Здѣсь приходится имъ не только непосредственно переживать всѣ впечатлѣнія

боя, но выполнять еще очень сложную, очень хлопотливую работу по управленію войсками.

Телефонная проволока, какъ па тина, густо оплетаетъ окопы и является могущественнымъ средствомъ для поддержанія связи между войсковыми частями, разбросанными на большомъ пространствѣ. Безъ телефонной связи нельзя теперь и вообразить боя. Все управленіе быстро-бы пришло въ полное разстройство.

Ночью въ окопахъ живутъ болѣе чутко и нервно, чѣмъ днемъ. Возможность и вѣроятность ночнаго нападенія противника всегда существуютъ и нужно, поэтому сохранить полную способность къ отраженію ночной атаки. Ночью начинается также работа лѣхихъ нашихъ развѣдчиковъ, которые при всѣхъ обстоятельствахъ умѣютъ совершить смѣлый поискъ къ сторонѣ противника, пробраться въ самую толщу его расположенія и прихватить съ собою нѣсколько плѣнныхъ.

Въ темныя ночи яркіе лучи прожекторовъ—какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны, прорѣзываютъ мглу и скользятъ по всѣмъ предметамъ, подозрительно задерживаясь на каждой складкѣ мѣстности, на каждомъ закрытіи. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ темнаго небснаго свода, слышатся ракеты, освѣщая на нѣсколько мгновеній окружающее пространство. Стрѣльба ночью не прекращается и часто къ ружейной и пулеметной трескотнѣ присоединяется артиллерія, посылающая свои батареи въ глубь непріятельской позиціи.

Умѣлымъ чередованіемъ снайповъ всегда можно достигнуть того, что зоркость наблюденія за противникомъ не понижается и люди не переутомляются вслѣдствіе ночнаго бодрствованія.

Первыя нѣсколько жуткія впечатлѣнія отъ окопной жизни быстро проходятъ. Свистъ ружейныхъ пуль вскорѣ перестаетъ привлекать вниманіе. Обиженная жизнь въ окопахъ влечетъ къ себѣ челоуѣка успокаивающимъ образомъ. Услышавъ оцѣстощеніе окоповъ быстро соображаетъ новыя посѣтителю. И когда видишь въ окопахъ нѣсколькихъ людей, засѣвшихъ на тропѣ, то фронтъ въ окопахъ, то проникаешься полной увѣренностью,

что защита Россіи въ надежныхъ, вѣрныхъ рукахъ. Теперь эти люди сидятъ въ окопахъ. Подъ давленіемъ противника и по волѣ, руководящей ихъ дѣйствіями, они медленно отходятъ назадъ, чтобы занять и упорно оборонять другую линію, но, когда настанетъ пора, когда отдано будетъ соответствующее приказаніе, вся эта сложная масса ринется впередъ и тогда врагъ убѣдится, что имѣетъ дѣло не съ поколебленными, потрясенными людьми, а съ могучей силой земли русской, съ силой грозной и несокрушимой.

Противникъ чувствуетъ и сознаетъ, что на восточномъ фронтѣ дѣло далеко еще не закончено, что самое страшное, самое тяжелое, еще впереди. И неприятель нервничаетъ и беспокоится. Каждую ночь, при самомъ ничтожномъ шумѣ, при малѣйшемъ шорохѣ,

онъ открываетъ безпорядочную стрѣльбу. То и дѣло ему чудятся грозные силуэты, ползущіе, надвигающіеся на его прочные окопы. И когда настанетъ грозный для врага день, когда вмѣсто тѣней выростутъ передъ нимъ снова грозные бойцы, ставшие на защиту чести и достоинства Россіи, врагъ затрепещетъ.

Возвращаясь изъ окоповъ, я выношу массу новыхъ бодрыхъ ощущеній, увѣренность въ грядущемъ успѣхѣ возрастала, а вмѣстѣ съ ней чувствовался приливъ энергии, столь нужной здѣсь на кровавой нивѣ.

Огневое крещеніе, очищаетъ человека, закаляетъ его, укрѣпляетъ. Инстинктъ самосохраненія не долгъ держать бойца въ своей власти и на смѣну ему приходятъ иные чувства, болѣе успокоительныя, болѣе ободряющія...

Цѣльств. армія. 4/VII.

IV.

Въ дни испытаній.

Собравъ съ западнаго своего фронта все, что можно было собрать, а, вѣрнѣе, гораздо больше того, что было возможно, наши враги вотъ уже четыре мѣсяца продолжаютъ свое наступленіе на восточномъ театрѣ, дѣлая лишь короткія остановки для того, чтобы приготовиться къ слѣдующему очередному наступательному движенію впередъ на томъ или другомъ участкѣ огромнаго фронта. За четыре мѣсяца соединеннымъ австро-германскимъ силамъ дѣйствительно удалось достигнуть многого въ смыслѣ овладѣнія пространствомъ.

Неприятельскія полчища продвинулись до линіи З. Двины, Нѣмана, Буга, Золотой Липы и Днѣстра. Привислинскій край наводненъ вражескими войсками. Они упорно стремятся распространиться еще далѣе на востокъ, угрожая Ригѣ, Ковнѣ, Бѣлостоку и нашимъ юго-западнымъ областямъ. Еще нельзя съ точностью установить, полосу, до которой докатится волна неприятельскаго нашествія, но она—эта роковая для противника полоса—существуетъ. Она обнаружится и обозначить собою грань неприятельскаго временнаго тор-

жества. Она будетъ показателемъ истощенія неприятельскихъ усилій. Въ своемъ безпредѣльномъ пространствѣ Россія обрѣтетъ спасеніе отъ вражескаго нашествія, найдетъ не только свой вѣрный, надежный щитъ, но и свой грозный карающій мечъ.

Чѣмъ далѣе на востокъ проталкивается волна вражескаго нашествія, чѣмъ больше пространства она захлестываетъ и покрываетъ, тѣмъ труднѣе становится положеніе нашихъ враговъ, тѣмъ безнадежнѣе рисуется имъ окончательный исходъ грандіознѣйшей кампаніи.

Намъ не легко, конечно, примириться даже съ временной утратой обширнаго края нашего отечества, находящагося сейчасъ во власти врага, опозорившаго свое имя жестокостью и озлобленностью; для насъ тяжка утрата цвѣтущихъ городовъ, занятыхъ теперь врагомъ, но мы не должны ни на минуту забывать, что эта жертва нами принесится во имя конечнаго нашего торжества. Въ своемъ безграничномъ пространствѣ мы должны были

найти и нашли в действительности наиболее могущественного для себя пособника.

Наши многоводныя рѣки, наши обширныя равнины, густыя лѣса, топкыя болота—наши самые надежныя союзники, такъ какъ они какъ медленно дѣйствующій тонкій разлагающій организмъ ядъ, должны истощить тѣ огромныя вражескія полчища, которыя сейчасъ съ такимъ упорствомъ рвутся все дальше и дальше на востокъ.

Въ стихійномъ стремленіи нашихъ враговъ въ восточномъ направленіи чувствуется, конечно, порывъ, настойчивость, доходящая до упорства, но вмѣстѣ съ тѣмъ это стремительное движеніе совершенно лишено ярко выраженнаго стратегическаго плана. Оно скудно стратегической мыслью и въ этомъ его несостоятельность.

Враги наши, рассчитывая на превосходство своего техническаго оборудованія, рвутся впередъ, избирая направленіе наибольшаго сопротивленія. Имъ удастся послѣ огромныхъ усилій то на одномъ, то на другомъ участкѣ длиннаго фронта сдвинуть наши войска, но, замѣтите, что этотъ сдвигъ всегда прямолинеенъ, что при отгѣсненіи русскихъ войскъ съ занимаемыхъ ими позицій, нашимъ врагамъ совсѣмъ не удаются никакія стратегическія комбинаціи, кромѣ чисто лобовыхъ ударовъ. Каждый сдвигъ покупается очень дорогою цѣною и вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ нашимъ врагамъ никакихъ трофеевъ, кромѣ пространства. Изъ всѣхъ-же элементовъ, составляющихъ нашу силу, для насъ менѣе чувствительнымъ въ смыслѣ потери является именно пространство.

Высказываются предположенія, что противникъ можетъ на восточномъ театрѣ повторить тотъ приемъ, какой осуществленъ имъ уже на западѣ и дать пока вполне для него положительныя результаты. Допускается возможность приостановки австро-германскихъ силъ на заранѣ намѣченныя ими линіи восточнаго театра. Далѣе этой линіи враги наши не пойдутъ, а закрѣпивъ ее за собою сплошнымъ фронтомъ укрѣпленныхъ позицій и занявъ минимальнымъ количествомъ войскъ, перебросятъ затѣмъ свои освободившіяся войска на западный театръ, чтобы тамъ продолжать кампанію, продолжать наступленіе отъ

той укрѣпленной линіи, которую уже много мѣсяцевъ занимаютъ германскія войска.

Въ возможность осуществленія такого плана положительно нельзя вѣрить. Сколько-бы ни приложили наши враги усилій, средствъ и эперги, они все-же не въ состояніи отдѣлаться отъ насъ сплошной укрѣпленной стѣной и не развяжутъ себѣ на восточномъ театрѣ рукъ, чтобы приступить къ выполненію наступательныхъ задачъ на западѣ. Слишкомъ различны по природнымъ свойствамъ западный и восточный театры войны, а кромѣ того, на востокъ нашему противнику приходится вести операціи на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ это приходилось дѣлать на западѣ.

Если германцамъ удалось за многие десятки лѣтъ, предшествовавшіе нынѣшней войнѣ, создать щиты на своей восточной границѣ и то не сплошныя, а прерывчатые, дѣлающіе и эту границу уязвимой, то не можетъ быть никакихъ разговоровъ о томъ, что австро-германцамъ возможно будетъ заслониться отъ русской арміи на той линіи, до которой можетъ докатиться волна нынѣшняго наступленія противъ насъ нашихъ враговъ. Мѣстныя условия не позволяли намъ создать укрѣпленную линію и даже, важнѣе, укрѣпленные участки на нашей западной границѣ. Въ совершенно такихъ-же неблагоприятныхъ условияхъ окажется и неприятельская армія. Ей нельзя будетъ опереться на какую-либо выгодную оборонительную линію. А, между тѣмъ, съ каждымъ переходомъ на востокъ, полоса съ сѣвера на югъ становится все длиннѣе и длиннѣе.

И такъ, вражескія арміи при своемъ наступательномъ движеніи на востокъ не могутъ опереться на мѣстныя преграды, не могутъ установить порубежной линіи, не могутъ создать искусственно - укрѣпленной полосы. И не въ этомъ еще главная бѣда нашихъ враговъ, а бѣда ихъ въ томъ, что на линіи своего наибольшаго выдвигенія на востокъ они будутъ имѣть въ непосредственной отъ себя близости русскую армію, которая теперь, не теряя своей боеспособности, сохраняя постоянную готовность къ переходу въ наступленіе, будетъ дамокловымъ мечомъ, висящимъ надъ боевой линіей австро-германскихъ силъ.

Уже и теперь, каждая из вражеских частей находится в напряженном состоянии, будучи связана соответствующей частью русской армии. Чтобы продвинуться где-либо вперед, противник принужден брать подкрепления или с западного фронта, или привлекать на восточный театр свои новые части, формируемые из пожилых людей, или из юнцов 16-летнего возраста. Возможно ли будет убрать с восточного фронта австро-германские войска для переброски их на западный фронт? Вопрос этот часто обсуждался нашими военными обозревателями и всегда решался в отрицательном смысле.

О массовой переброске австро-германских сил с востока на запад не может быть и речи, так как наши враги по вышеизложенным причинам не могут создать на восточном фронте ни сплошной, ни прерывчатой оборонительной линии от берегов Балтийского моря до румынской границы.

Для выигрыша пространства австро-германцы в настоящее время сосредоточивают все, что возможно, на наш фронт; но когда они достигнут линии наибольшего выдвижения на восток, то, даже для временного удержания за собой занятого земельного пространства, принуждены будут держать на фронте огромные силы.

Относительно истощения боевых припасов у наших врагов совсем не следует создавать иллюзий. Нужно считать, что австро-германская армия при всех обстоятельствах будет иметь значительный приток вооружения, снарядов и патронов. На такого рода истощениях лучше не строить расчетов, тем более, что наши расчеты на окончательную победу могут быть построены на более прочном основании.

Наша армия в данное время медленно отходит в тех направлениях, где противник с особой энергией стремится вперед. Если внимательно проследить по всегда объективным и всегда верным извещениям штаба Верховного Главнокомандующего за ходом боевых столкновений на всем фронте от Митаво-Рижского направления до Хотинского, то легко установить, что на многих направлениях натиск противника уже ос-

лабывает. Верным симптомом служить безуспешность неприятельских атак в некоторых направлениях и даже частичный отход.

Можно предсказать скорее окончание наступательного движения вражеских сил на восток. И тогда начнется новый, быть может, уже заключительный акт великой кровавой трагедии, разыгрывающейся на огромном пространстве многими миллионами людей.

Нашим врагам очень-бы хотелось сделать последним актом нынешних событий. Австро-германские войска, напрягая последние усилия, берут наши города, а враждующая с нами страна не теряет надежды, что вот-вот, под влиянием неудач, под впечатлением отступления наших войск, Россия заговорит о мире.

Но, да избавить нас Господь от такого соблазна. Не для того принесли мы неисчислимыя жертвы, чтобы в самую решительную минуту, накануне перелома войны, нака-

В последней речи Бетмана-Гольвега, как передало ее телеграфное агентство, имеется, между прочим, след. заявление: «Географическое положение и политическая судьба заставляли германцев и поляков в течение столетий вести взаимную борьбу. Однако, воспоминания о прежних разгласиях не мешают чувству уважения к страстному патриотическому упорству, с каким польский народ защищал с великими страданиями свою западную культуру и любовь к свободе против России».

Первое впечатление, — что канцлер обпаружил здесь обычное для иных дипломатов мѣдлолюбие, что он просто пошел по стопам турецких и других министров, которые, не смотря на ставшие общеизвестными факты гонения на инородцев, не смотря на приобретшия европейскую славу звѣрства курдовъ, не смотря на погромы, выселения и изнасилования, — становятся во весь рост и громгласно заявляют: «Ничего подобнаго! Мы с нашими инородцами живем в мире и согласии». Зная весь мортирологъ русскихъ поляковъ, иначе нельзя относиться къ «чувству уважения» канцлера къ польскому народу.

Однако, вдумываясь хорошо в смысл его словъ, приходишь къ заключенію, что канцлеръ обнаружилъ въ этомъ заявленіи весьма похвальную для дипломата изворотливость ума, за которую по справедливости его слѣдуетъ отличить отъ восточныхъ министровъ.

Видите-ли, не потому канцлеръ питаетъ уваженіе къ польскому народу, что во имя патриотическаго долга онъ, польскій народъ, перенесъ «великія страданія», а потому, что историческій смыслъ этихъ страданій заключается въ миссии польскаго народа защищать «западную культуру» въ Россіи. Это — цѣлая концепція. Это — попытка объясненія чуть-ли не всей истории Польши. Борьба націй подмѣняется борьбой культуръ. Сначала Пруссія и самостоятельная Польша — Западъ и Востокъ — ведутъ «взаимную борьбу въ теченіе столѣтій». Съ тѣхъ-же поръ, какъ Польша была раздѣлена, Пруссія преслѣдовала и, быть можетъ, будетъ и дальше преслѣдовать своихъ поляковъ, такъ какъ здѣсь продолжаетъ дѣйствовать законъ борьбы Запада съ Востокомъ. Иное дѣло поляки въ Россіи. Здѣсь они являются Западомъ, а Россія — Востокомъ, и, естественно, Пруссія должна быть на сторонѣ поляковъ.

Такъ какъ первая половина этой схемы была канцлеромъ отчасти припрятана и отчасти окутана туманомъ, и только подразумевается, а вторая, о Россіи, была высказана ясно и полно, то возможно даже, что его заявленіе польстило сердцу нѣкоторыхъ благодушныхъ поляковъ въ Пруссіи. Тѣмъ болѣе, что причисленіе поляковъ къ носителямъ западной культуры на Востокѣ не лишено основанія. Политическій строй бывшей Рѣчи Посполитой, общій уровень культуры, развитіе промышленности въ Царствѣ Польскомъ и проч. — этому доказательства.

Остается проверить фактическую сторону нунѣ поворота успѣха въ нашу сторону, не устоять передъ соблазномъ, поддаться лукавому искушенію.

Въ этомъ отношеніи тонкій расчетъ нашихъ враговъ не удался. Хотя русскій народъ скорбиль о временной утратѣ западной приграничной полосы, но народная энергія не подорвана. Нависшая надъ страной опасность сплотила во-едино всѣ слои населенія и

вызвала не упадокъ, какъ того хотѣли враги, а подъемъ всѣхъ жизненныхъ силъ страны.

Въ тыловыхъ районахъ государства закипѣла уже сознательная работа. Армія получаетъ нужные для веденія войны предметы и не намѣрена уступать врагу. Даже самые ярые пессимисты признаютъ улучшение общихъ условий борьбы для нашей арміи съ отходомъ ея въ тыловой районъ, съ удаленіемъ ея отъ той приграничной полосы, гдѣ постоянно сказывалось могущественное вліяніе густой желѣзнодорожной сѣти, находившейся въ распоряженіи непріятельскихъ армій и постоянно облегчавшей противнику переброску силъ съ одного участка фронта на другой.

Теперь условия для маневрированія непріятельскихъ войсковыхъ массъ уже значительно ухудшились и будутъ еще ухудшаться, какъ при удаленіи непріятельскихъ колоннъ вглубь нашей территоріи отъ приграничной полосы, такъ и вслѣдствие неизбежной порчи грунтовыхъ дорогъ вслѣдствие надвигающейся осени.

Германскій генеральный штабъ почти на цѣлый годъ запоздалъ съ выполненіемъ своего плана войны на восточномъ театрѣ и въ этомъ будущій историкъ нынѣшней кровопролитной войны отмѣтитъ главную, теперь уже непоправимую стратегическую ошибку нашихъ враговъ.

Потерянное время не прошло безслѣдно. За тотъ періодъ, который привлекалъ вниманіе германцевъ къ западно-европейскому театру войны, наша армія успѣла нанести страшный ударъ Австро-Венгріи. Хотя теперь бокъ-о-бокъ съ германскими войсками дѣйствуютъ австрійцы и даже кичатся своимъ успѣхомъ, но справедливость требуетъ отмѣтить, что только германскія вкрапины поддерживаютъ нѣкоторую бодрость въ рядахъ австрійскихъ войскъ.

Къ самостоятельному веденію операций австрійская армія въ нынѣшнемъ ея составѣ послѣ перенесенныхъ ею страшныхъ потрясеній уже не пригодна. Только съ германцами австрийцы сохраняютъ еще кое-какую бодрость и при ихъ непосредственномъ содѣйствіи и руководствѣ сохраняютъ дѣеспособность. Безъ германской помощи австрійскія

войска должны быть учитываемы съ сильно пониженнымъ боевымъ коэффициентомъ.

Послѣ годичнаго запозданія, послѣ кардинальной ошибки, озлобленный врагъ, напрягая страшныя усилія, хочетъ внести поправку.

Судьба посылаетъ намъ самыя тяжкіе дни испытаній. Нервы напряжены. Сомнѣнія и колебанія вкрадываются въ душу. Но мы должны глядѣть незатуманеннымъ взоромъ. Мы должны съ полнымъ сознаниемъ серьезности положенія смѣло глядѣть впередъ. Отъ нашего самообладанія, отъ нашей готовности къ самопожертвованію, зависитъ участь на-

шей родины, судьба грядущихъ поколѣній.

Не будемъ поддаваться ни искушеніямъ, ни неумѣстнымъ сомнѣніямъ. Наши предки переносили куда болѣе грозныя испытанія, куда болѣе страшныя удары, но сумѣли много терпѣть, а потому многое сохранили и приобрѣли. Пусть при серьезныхъ обстоятельствахъ малодушные, ноющіе, сомнѣвающіеся, отойдутъ въ сторону и уступятъ мѣсто сильнымъ, бодрымъ, неунывающимъ, вѣрющимъ въ конечное торжество нашего оружія, въ гений великаго русскаго народа.

Дѣйствующая армія.

V.

Обѣдница.

Съ позицій непрерывнымъ рокотомъ доносится гулъ выстрѣловъ. Изъ лѣсной чащи онъ тысячеголовымъ эхомъ вырывается на поляну, гдѣ сталъ бивакомъ N-скій полкъ. Только что полкъ вышелъ изъ окоповъ послѣ 3-хъ-дневнаго сидѣнія. Люди—какіе-то сѣрые. Они жмурятся отъ яркихъ лучей солнца, но видъ у нихъ довольный. Тяжелая служба закончена. Предстоитъ 2-хъ—3-хъ-дневный отдыхъ. Можно спокойно выспаться на бивакѣ; можно выкупаться въ рѣченкѣ, журчащей у склона горы, можно побродить по густой лѣсной таинственной чащѣ.

Сегодня—праздникъ. Тамъ на родинѣ призывно звучатъ церковныя колокола. Храмы сіяютъ тысячами огней. Подъ снѣгомъ церквей собираются тысячи молящихся. Они несутъ сюда и радости, и горе. Радости мало теперь, а горя много, цѣлое море. И несутъ его страждущіе, обездоленные, жаждающіе утѣшенія, облегченія, въ храмы. Возносятся молитвы, слышатся тяжкіе вздохи, глухіе стоны.

И здѣсь, подъ грохотъ битвы, потребность молитвы также ощущается. Молитва очищаетъ, возвышаетъ и примиряетъ съ суровой дѣйствительностью.

Полкъ построился покоемъ. По срединѣ — аналой. Полковой образъ-складень сіяетъ. Передъ нимъ ярко пылаютъ свѣчи. Церков-

никъ густой октавой читаетъ часы. Собирается къ аналою хоръ. Священникъ, облачившись въ зеленую рязу, готовится къ службѣ.

Вотъ, полились знакомые мотивы церковныхъ пѣснопѣній. Лѣсъ также безстрастно отражаетъ ихъ, какъ и залпы тяжелыхъ орудій.

Молитвенное настроеніе нарастаетъ. Солдаты истоиво крестятся. Хоръ сперва пѣвший нескладно, сбиваясь, постепенно становится все болѣе и болѣе выразительнымъ.

Батюшка съ особеннымъ вдохновеніемъ, подчеркиваніемъ произноситъ возгласы, приобѣщающіе особенное значеніе въ этой чрезвычайной обстановкѣ.

«О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣнныхъ»... Какъ мало, обыкновенно, внушительнъ этотъ возгласъ при обычной обстановкѣ мирнаго времени и какъ много говоритъ онъ сердцу здѣсь въ 3—4 верстахъ отъ линіи огня.

Плавающіе теперь ежеминутно подвержены смертельной опасности. Ихъ всюду на моряхъ и океанахъ сторожитъ смерть.

Недугующими и страждущими переполнена земля. Сколько дала ихъ война? Ими полны лазареты, госпитали, санитарныя поѣзда. Война превратила здоровыхъ, бодрыхъ, жизнерадостныхъ въ калѣкъ, инвалидовъ. Она

погасла яркіе взоры, она согнала румянецъ съ здоровыхъ лицъ.

Когда раздаются просительныя возгласы о дарованіи побѣды, лица молящихся становятся особенно сосредоточенными. Взглядъ сурово устремляется въ даль. Туда, въ сторону упорнаго, настойчиваго врага.

Да, побѣда надъ нимъ необходима. Она нужна, какъ это солнце, заливающее своими яркими лучами лѣсную поляну, какъ этотъ чистый воздухъ. Или побѣда и долгая счастливая жизнь, торжественное шествіе по пути благоденствія и славы, или мрачное существованіе подъ вражескимъ ярмомъ.

Не всѣ, конечно, отдають себѣ ясный отчетъ въ возможныхъ послѣдствіяхъ побѣды и пораженія, но инстинктивно всѣ до послѣдняго солдата чувствуютъ настоятельную необходимость побѣды. Особенно это чувствуется теперь, когда вражескія колонны потянулись огненными змѣями на востокъ, когда застонала земля отъ ужасовъ вражескаго нашествія, когда злобѣщимъ заревомъ запылали города, деревни, усадьбы.

Помимо отвлеченныхъ толкованій политическихъ, экономическихъ, стратегическихъ, вопросъ войны сталъ шкурнымъ вопросомъ. Война стала пожаромъ угрожающимъ всему народу. Она ведется въ западныхъ предѣлахъ Россіи, она непосредственно повисла, какъ страшный кошмаръ, только надъ сравнительно малой частью необъятной по пространству нашей родины, но пламя мучительно жжетъ и на разстояніи. Біеніе войны чувствуется въ глубочайшемъ тылу. Ни Казань, ни Саратовъ, ни Омскъ и Владивостокъ, ни всѣ тѣ запобѣдныя мѣста, куда не можетъ никогда проникнуть вражеская стопа, не должны оставаться безучастн. зрителями разгорающагося, разрастающагося пожара. Вихрь разноситъ искры далеко во всѣ стороны. Со стихійными бѣдствіями, къ каковымъ принадлежитъ и война, нужно бороться всѣмъ и съ полнымъ напряженіемъ силъ. Потенціалъ русской силы грандіозно великъ. Нужно только эту силу великую и мощную вызвать изъ сокровенныхъ нѣдръ, гдѣ сейчасъ она хранится, нужно расшевелить русский океанъ на всемъ его необозримомъ просторѣ и тогда никто и ничто не устоитъ подъ сокрушающими ударами разбушевавшихся волнъ.

Побѣда и побѣда во что-бы то ни стало! Объ этомъ чаще и громче нужно взывать именно теперь, когда врагъ расходуетъ послѣднія усилія, когда онъ лепечетъ мысль о возможномъ для него благополучномъ исходѣ войны.

Побѣда возможна и она уже близка. Нужны послѣднія дружныя усилія, нужно заглушить въ себѣ голосъ сомнѣнія, нужно крѣпче ухватиться за кормила лодыи, носящейся по бушующему морю, и направить ее въ чернѣющую даль грозныхъ валовъ, только на нихъ, только противъ нихъ. Всякое уклоненіе въ сторону гибельно.

Много жертвъ уже принесла Россія, не мало предстоитъ ихъ впереди. Но страна не можетъ остановиться передъ этими новыми жертвами, такъ какъ онѣ необходимы, онѣ нужны для будущаго ея процвѣтанія. Волею судьбы намъ пришлось попасть въ тяжелую полосу жизни, такъ сумѣемъ-же съ честью выйти изъ грознаго испытанія...

Закончилась «обѣдница», закончился молебенъ. Торжественно прозвучало въ лѣсной тиши Царское многолѣтіе съ пожеланіемъ побѣды и одолѣнія на врага. Едва замолкъ послѣдній аккордъ и откликнулся въ лѣсу, какъ полились трогательныя слова поминовенія усопшихъ, о вѣчномъ покоѣ воинамъ за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившимъ. Тихо льется рыдающая пѣснь о вѣчной памяти. Какъ одинъ человекъ склонился полкъ на колѣни, припалъ къ землѣ, гдѣ покоятся сномъ вѣчнымъ положившіе жизнь свою други. Много ихъ въ землѣ сырой. То и дѣло встрѣчаешь на пути запыленные холмики съ почернѣвшими крестами, съ полустертыми надписями. Много такихъ холмовъ погребальныхъ въ западныхъ предѣлахъ нашей родины и въ пограничныхъ областяхъ вражескихъ земель. Хаосъ войны не позволяетъ еще привести въ порядокъ и украсить эти священныя для насъ могилы.

Вѣчная вамъ память, безвѣстные сѣрые герои. Вы принесли въ жертву родинѣ самый драгоценный даръ—свою жизнь. Вы страдали, вы переносили лишения и мученія, вы обрѣли страшную, но... красивую смерть. Да, красивую, такъ какъ не можетъ быть болѣе величественной смерти, какъ здѣсь на полѣ брани, среди бушующаго урагана битвы. Спи-

те въ сырой землѣ! Много васъ павшихъ, но еще больше тѣхъ, кто сталъ вмѣсто васъ въ ряды доблестной нашей армии, подъ сѣнь знамени, благословившихъ васъ на смерть. Ваши замѣстители не посрамятъ вашей славы и добившись побѣды, сдѣлаютъ вашу смерть, вашу жертву великой и осмысленной.

Послѣдній молитвенный возгласъ—многая лѣта христоролюбивому всероссійскому побѣдоносному воинству.—Опять бурлящія звуки многолѣтня, опять могучій аккордъ. Ему вто-

рять глухой далекой залпъ орудій. Жизнь торжествуетъ побѣду надъ смертью. Нужно жить, чтобы побѣдить, чтобы не допустить врага восторжествовать надъ нами.

Служба окончилась. Разошлись солдаты, разсѣялись мысли, навѣянная молитвой.

Начинается нервная напряженная боевая работа, но духовно подкрѣпленный организмъ съ новымъ запасомъ энергіи берется за дѣло.

Дѣйствующая армія.

VI.

Развѣдчики.

Сборъ свѣдѣній о противникѣ составляетъ на войнѣ постоянную заботу и высшихъ штабовъ, находившихся въ глубокомъ тылу, и войсковыхъ частей, дѣйствующихъ на фронтѣ и поддерживающихъ непосредственное соприкосновение съ противникомъ. Разница лишь въ средствахъ развѣдки: въ то время, какъ штабы крупныхъ войсковыхъ соединеній пользуются для развѣдокъ тайной агентурой, летчиками, добываютъ свѣдѣнія путемъ изученія захваченной корреспонденціи и міровой прессы, войсковыя части стараются добыть свѣдѣнія о неприятелѣ посылкой своихъ развѣдчиковъ. Изъ донесеній развѣдчиковъ всегда можно уяснить силу и расположение неприятельскихъ войскъ, находящихся передъ фронтомъ, можно даже разгадать ближайшія намѣренія противника. Опытъ войны даетъ цѣлый рядъ, такъ называемыхъ, военныхъ примѣтъ, по которымъ можно составить правильное сужденіе о неприятелѣ.

До послѣднихъ войнъ главнымъ средствомъ войсковой развѣдки была кавалерія. Кавалерійскіе развѣзды, быстро перебѣгая съ мѣста на мѣсто, проникая въ тылъ противнику, всегда добываютъ цѣнныя о немъ свѣдѣнія. Въ послѣднее время съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія развѣдывательная работа конницы значительно затруднилась. Неприятельскій огонь заставляетъ кавалерійскихъ развѣдчиковъ держаться на значительномъ разстояніи. Особенно трудно прибли-

зиться коннымъ развѣдчикамъ къ укрѣпленнымъ позиціямъ противника.

Въ послѣднее время въ дополненіе къ коннымъ развѣдкамъ пришлось прибѣгнуть къ развѣдкѣ пѣшей. Пѣхотные развѣдчики, менѣе замѣтные, могутъ поближе подойти къ врагу, могутъ успѣшно работать ночью, могутъ пробраться въ самое логовище врага. Правда, пѣшие развѣдчики не столь быстро передвигаются, какъ кавалеристы, но при тяжкомъ характерѣ современныхъ боевыхъ столкновеній, при продолжительномъ сидѣніи враждующихъ сторонъ въ окопахъ, не столь важна быстрота, сколько тщательность развѣдки, къ каковой именно такъ пригодны пѣшие развѣдчики.

Въ нашей арміи войсковая развѣдка всегда отличается лихостью и обстоятельностью. Развѣдкой въ полкахъ занимаются и интересуются не только специально для этого дѣла предназначенные развѣдчики, но къ нимъ всегда присоединяются смѣлые, предпримчивые добровольцы.

Ночная развѣдка сопряжена съ опасностью, полна различными приключеніями. Покровъ ночи придаетъ ей жуткій, таинственный характеръ, тѣмъ не менѣе, въ развѣдку идутъ безъ принужденій, охотно.

Вечерній сумракъ сгущается. Яркіе силуэты холмовъ, покрытыхъ густыми, таинственными лѣсами, заволакиваются туманной дым-

вой. Отъ деревьевъ и строеній потянулись длинныя тѣни. Непрiятельскiе окопы подѣ лѣсомъ и на гребняхъ вершинъ все больше и больше сливаются съ зеленымъ, темнѣющимъ фономъ несошенныхъ луговъ. Все рѣже и рѣже бухаютъ пушки, дострѣливая положенное число патроновъ, затихла назойливая ружейная трескотня.

Въ окопахъ А—скаго пѣхотнаго полка готовятся къ ночи. Изъ глубокихъ нишъ, выдолбленныхъ по сторонамъ ходовъ сообщенiй, выползаютъ ночныя смѣны, точно ночныя птицы изъ густой чащи лѣса. По ходамъ сообщенiй приходятъ изъ резервовъ подкрѣпленiя.

Отдохнувъ за день, люди бодро заступаютъ на ночную смѣну. Гаснутъ маленькiе очажки, надѣ которыми въ котелкахъ кипятили солдатки воду. Въ глубинѣ позицiи слышны стукъ — это походныя кухни подвозили ужинъ къ резервамъ. Оттуда въ ведрахъ, ушатахъ, бакахъ и котелкахъ цѣлая вереница какихъ-то тѣней несетъ пищу въ окопы. Вкусно запахло пищей. Съ веселыми разговорами и прибаутками аппетитно хлебуютъ солдатки горячiе щи.

При батальонномъ резервѣ второго батальона, за прочнымъ каменнымъ заборомъ сторѣваго завода, собираются полковые развѣдчики. Сегодня изъ штаба дивизiи сообщили по телефону, что командиръ корпуса приказалъ произвести энергичную развѣдку и непременно захватить плѣнныхъ, чтобы провѣрить новую группировку непрiятельскихъ силъ. Командиръ полка лично взялся наладить развѣдку. Съ разныхъ сторонъ къ сборному пункту подходятъ небольшiя группы людей — это ротные развѣдчики, отправленные изъ ротъ для общей работы. Люди, еще недавно обстрѣлянные, но уже побывавшие по нѣскольку разъ въ развѣдкѣ и освободившиеся отъ вполне понятнаго чувства робости и безпокойства, столь естественнаго при первомъ опытѣ. Есть и новички-добровольцы, но они стараются также подавить свое смущенiе и бравируютъ своей отвагой.

Командиръ полка даетъ обстоятельное объясненiе молодому подпоручику — начальнику команды развѣдчиковъ. Планъ — не сложенъ. Нужно подѣ покровомъ ночи продвинуться впередъ вдоль шоссе. Затѣмъ, раз-

дѣлить команду развѣдчиковъ на двѣ части. Вправо выслать людей къ д. О—ка, пройти вдоль окоповъ противника. Здѣсь имѣются небольшiе ложементы, которые на ночь обыкновенно занимаетъ непрiятель своими полевыми караулами. Окружить и захватить одинъ изъ такихъ карауловъ противника составляетъ задачу партii. Вторая партiя должна пробраться къ лѣсу налѣво отъ шоссе. Ей предстоитъ болѣе трудная работа. Здѣсь противникъ не выходитъ на ночь за линiю своихъ проволочныхъ загражденiй, поэтому, нужно перерѣзать колючую проволоку, устроить лазейку и добыть языка изъ непрiятельскихъ окоповъ.

Подпоручикъ, выслушавъ указанiя командира полка, приступаетъ къ составленiю подробнаго плана дѣйствiй. Самое трудное — дойти незамѣченнымъ къ противнику. Непрiятель въ послѣднее время нервничаетъ, очень бдителенъ по ночамъ и освѣщаетъ впереди лежащую мѣстность прожекторами и ракетами. Но подпоручикъ С—ко уже опытный развѣдчикъ. Отличнымъ помощникомъ для него является старшii унтеръ-офицеръ Ковальчукъ, большoi любитель спорта, пристрастившiiся къ ночнымъ облавамъ во вражескихъ окопахъ. Для Ковальчука ночная развѣдка — праздникъ.

— Смотри-же, ребята, — закончилъ свою бесѣду съ развѣдчиками полковникъ, — языка нужно добыть непременно. И это легко сдѣлать, если соблюдать тишину и осторожность.

Подпоручикъ раздѣлил команду на двѣ партii и послалъ Ковальчука вправо къ непрiятельскимъ ложементамъ; самъ-же пошелъ къ проволочнымъ загражденiямъ.

Ковальчукъ съ группой развѣдчиковъ въ 20 человекъ бодро двинулся впередъ. Темнѣло. Партiя быстро скрылась изъ глазъ. Мягкая, поросшая травой, почва глушила шумъ шаговъ. Ковальчукъ шелъ впереди, зорко всматриваясь въ темную даль. До непрiятельскихъ окоповъ было не менѣе 1.000 шаговъ, но впереди могли быть такiя-же развѣдывательныя партii противника. При внезапной встрѣчѣ нельзя терять ни одной секунды.

Свернувъ къ насыпи, по которой тянулось шоссе, развѣдчики поползли. Врядъ-ли даже

самый тонкий слух могъ уловить тотъ легкий шелестъ, который слышенъ былъ отъ земли. Развѣдчики такъ наловчились пригонять свою амуницію, что ни одинъ предательскій звукъ не выдастъ въ ночной тишинѣ.

Начиналась лощина, за которой тянулись ложементы съ неприятельскими сторожевыми постами. Наши развѣдчики по одиночкѣ переползли черезъ шоссе и дальше поползли по дву лощины. Теперь неприятельскіе окопы были въ 50 шагахъ. Ковальчукъ остановилъ людей и передалъ по цѣпи развѣдчиковъ ожидать его возвращенія. Люди притаились, а отважный начальникъ партіи поползъ къ неприятельской траншеѣ.

Съ нескрываемымъ волненіемъ ждали развѣдчики возвращенія Ковальчука. Время тянулось. Со стороны неприятельскихъ окоповъ слышался сдержанный говоръ. Вправо на участкѣ сосѣдняго полка началась частая ружейная стрѣльба, еще дальше отбивалъ свою дробь пулеметь. На главной линіи неприятельскихъ окоповъ вспыхнулъ прожекторъ и яркіе лучи его поползли по полю, на мгновение освѣщая широкія полосы мѣстности. Только дно лощины, гдѣ залегли развѣдчики, зіяло въ темнотѣ. Прошелъ добрый часъ времени въ томительномъ ожиданіи.

Вдругъ, также неожиданно, какъ скрылся появился изъ ночной мглы неутомимый Ковальчукъ.

— Будетъ добыча, — прошепталъ онъ. — Только осторожно, чтобы не спугнуть дичь. Первые десять развѣдчиковъ ползи вправо, а черезъ 50 шаговъ опять поверни впередъ. Когда подползете къ кустамъ — остановитесь и ждите. Потомъ бросайся въ окопъ, но не стрѣлять и такъ сдадутся.

Съ остальными людьми, выждавъ минуты 2—3, Ковальчукъ поползъ впередъ.

Неприятельскій полевой караулъ, состоявшій изъ 6 человекъ, подъ командой унтеръ-офицера, не чуялъ нависшей надъ нимъ опасности. Опершись на ружье, подступивъ вплотную къ окопу, стоялъ часовой. Онъ слѣдилъ за прихотливымъ мельканіемъ прожектора и въ освѣщенной полосѣ жадно ловилъ силуэты освѣщаемыхъ предметовъ. Ему нерѣдко чудились цѣлыя колонны или густыя стрѣлковыя цѣпи и не разъ уже онъ докладывалъ старшему о своихъ опасеніяхъ. Унтеръ-офицеръ не раздѣлялъ страха своего подчи-

неннаго. Онъ съ трудомъ удерживался отъ того, чтобы не уснуть, и старался поддерживать разговоръ въ караулѣ.

Легкій свистъ прервалъ длинную реплику неприятельскаго унтеръ-офицера. Схвативъ оружіе, люди полевого караула вскочили на ноги, но было уже поздно.

— Гальтъ! Эргибъ дихъ! Геверъ вегъ! — отчетливо произносилъ Ковальчукъ хорошо заученныя фразы.

Неприятельскій караулъ плотно былъ окруженъ нашими развѣдчиками.

— Швайгентъ! — закончилъ свое обращеніе Ковальчукъ, дѣлая внушительный жестъ винтовкой.

Неприятельскіе солдаты сразу поняли, что всякое сопротивленіе безразсудно. Они молча протянули свое оружіе. Быстро отобравъ оружіе и окруживъ захваченныхъ плѣнныхъ плотнымъ кольцомъ конвойныхъ, Ковальчукъ двинулся къ своимъ окопамъ. Теперь предосторожность уже не была столь необходимой. Нужно было поскорѣе доставить плѣнныхъ на свою позицію и уйти отъ неприятельской линіи.

Нѣсколько разъ на группѣ нашихъ развѣдчиковъ задерживался пытливо лучъ неприятельскаго прожектора. Издалека засвистали надъ головами ружейныя пули. Развѣдчики прибавили шагъ.

— Стой! Кто идетъ? — слышался окликъ изъ нашего сторожевого охраненія.

— Свои! — бодро отвѣтилъ Ковальчукъ и, окликъ часового изъ нашего сторожевого охраненія.

Подпоручикъ С—ко, взявъ въ число развѣдчиковъ двухъ специалистовъ по рѣзкѣ проволочныхъ загражденій, также безшумно скрылся со сборнаго пункта въ ночной темнотѣ. Онъ еще засвѣтло намѣтилъ путь слѣдованія къ неприятельскимъ проволочнымъ загражденіямъ. На пути лежало небольшое болотце. Затѣмъ нужно было собраться къ отдѣльному дереву, а оттуда, взявъ немного вѣтви, продвинуться шаговъ на 100—150. Здѣсь часто вбитыя въ землю колья были густо оплетены колючей проволокой.

Если удастся прорѣзать путь сквозь эту преграду, то можно врасплохъ захватить неприятельскую часть, находящуюся въ окопахъ, и доставить большое удовольствіе кор-

пусному командиру внушительным количеством плѣнныхъ. Судя по длинѣ окопа, — размышляя подпоручикъ, — тамъ не менѣе полуроты. Не дурно было-бы захватить и полсотни. Команда развѣдчиковъ уже миновала болото и собралась къ дереву. Задержавъ здѣсь всѣхъ людей, подпоручикъ выслалъ впередъ 4 рѣзчиковъ съ ножницами.

— Смотри-же, братцы, не шумѣть, не те-реби проволоку, рѣжь ее быстрымъ, короткимъ нажимомъ. Если будетъ противникъ свѣтитъ, припадай къ землѣ. Въ случаѣ общей тревоги въ непріятельскомъ окопѣ, возвращайся сюда.

Рѣзчики скрылись въ темнотѣ. Оставивъ людей у дерева, нетерпѣливый офицеръ самъ отправился къ проволочному загражденію. Проекторъ противника свѣтился далеко въ сторонѣ и можно было предполагать, что бдительность враговъ на намѣченномъ пунктѣ удара понижалась.

Припадая къ землѣ, ползли развѣдчики, всоруженные длинными ножницами, къ кольямъ, опутаннымъ проволокой. Съ ними подпоручикъ С—ко.

Вотъ они и у плѣли. Затаивъ дыханіе, приступили къ опасной работѣ. Въ ночной тишинѣ послышался лягъ перерѣзываемой проволоки. Черезъ нѣсколько томительныхъ минутъ первая линія загражденій была въ двухъ мѣстахъ прорѣзана.

Противникъ имѣлъ обыкновеніе устраивать проволочныя загражденія въ нѣсколько рядовъ. Подпоручикъ С—ко, разсматривая днемъ въ бинокль намѣченную линію, ясно видѣлъ три ряда проволочныхъ загражденій.

Послѣ осторожной получасовой, часто прерывающейся, работы, пала, наконецъ, и вторая линія. Теперь цѣль — близка. Съ возрастающимъ волненіемъ подпоручикъ С—ко и его помощники приступили къ сокрушенію третьей линіи. За нею въ 50 шагахъ — непріятельскій окопъ.

Но вдругъ къ тихому пощелкиванію перерѣзываемой проволоки присоединился громкій лягъ жестинокъ. Противникъ для предосторожности напѣсилъ на проволоку пустыя жестины отъ консервовъ.

Шумъ привлекъ вниманіе часовыхъ въ окопахъ. Послышались суетливые крики. Изъ-за окопа взвились въ воздухъ одновременно двѣ

ракеты и, выбросивъ снопы блестящихъ звѣздочекъ, ярко освѣтили всю мѣстность на большое разстояніе.

По брустверу замелькали красноватые точки, послышались торопливые выстрѣлы. Надъ головой развѣдчиковъ засвітали пули.

— Сорвалось! — мелькнуло въ умѣ С—ко.

— Развѣдчики, назадъ! — громко скомандовалъ онъ.

Къ проволочкѣ изъ вражескаго окопа выскочило нѣсколько человѣкъ, рѣзко выдѣлившись на фонѣ ракетаго освѣщенія. По нимъ, не ожидая команды, наши развѣдчики открыли частый огонь, сваливая одного за другимъ непріятельскихъ солдатъ. Тѣмъ не менѣе, предприятие, задуманное подпоручикомъ С—ко, нужно было считать неудавшимся. Это понялъ творецъ плана и, продолжая отстрѣливаться, сталъ отводить своихъ людей къ дереву, а оттуда за болото къ своимъ окопамъ.

Свѣтало. Востокъ побѣлѣлъ. Звѣзды гасли. Бѣлая туманная пелена, какъ покрывало, опустилась на лугъ, лѣсъ и покрыла окопы. Къ сборному пункту собрались обѣ группы развѣдчиковъ. Партія Ковальчука окружала своихъ плѣнныхъ. Послѣдніе, ежась отъ утренняго холода, съ любопытствомъ осматривались кругомъ. Только пожилой унтер-офицеръ часто глубоко вздыхалъ, очевидно, упрекая себя въ неосторожности и задумываясь надъ происшедшей переменной положенія.

Подпоручикъ С—ко былъ мраченъ и дѣлалъ строгое внушеніе одному изъ рѣзчиковъ проволоки за неосторожность.

Разбуженный дежурный врачъ, еще не успѣвши очнуться отъ сладкаго сна, перевязывалъ ногу одному изъ развѣдчиковъ, настигнутому вражеской пулей.

Полковой адъютантъ, пригнувшись къ полевому телефонному аппарату, передавалъ въ штабъ дивизіи о результатахъ ночной развѣдки на фронтѣ полка и о происшествіяхъ за истекшую ночь.

Стрый разсвѣтъ смѣнялся пасмурнымъ днемъ. Окопная ночь долгая и тревожная кончилась. Ночная смѣна пряталась въ уютныя, кое-гдѣ даже съ комфортомъ обставленныя, землянки. На линію огня выходили новые стрѣлки. Наблюдатели зорко всматрива-

лись въ сторону противника, гдѣ, очевидно, тоже происходила смѣна.

Вдали, на сосѣдномъ участкѣ, ухнуло орудіе и по лѣсу понеслось раскатистое эхо. Послышался свистъ летящаго въ отдалени снаряда.

Кровавый день начался.

Такъ почти еженощно изъ длинной линіи нашихъ окоповъ предпринимаются нашими развѣдчиками смѣлые поиски въ сторону врага.

Отважно и лихо работаютъ эти люди. Не знаютъ они ни утомленія, ни страха.

Ихъ полезная работа — очень цѣнна для нашей арміи. Хотѣлось-бы, чтобы и тамъ, въ

далекомъ тылу, гдѣ течетъ жизнь полная удобствъ и спокойствія, узнали-бы о тревожныхъ, бессонныхъ ночахъ, проводимыхъ на позиціяхъ нашими героями-развѣдчиками. Узнали-бы и оцѣнили по достоинству ихъ тяжелую, опасную, по большей части добровольную, службу.

Невзгоды и тяжкія лишения, перенесенныя за годъ войны, не понизили энергии нашего солдата. Это видно уже изъ того, что каждый разъ, при вызовѣ развѣдчиковъ, на призывъ отзывается больше людей, чѣмъ надо.

Дѣйствующая армія.

VII.

Самодѣятельность.

Боевыя дѣйствія протекають для каждой войсковой части какими-то схватками. Иногда такая схватка длится больше, иногда — меньше. Войска попадаютъ въ какой-то кровавый водоворотъ и остаются въ немъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Затѣмъ наступать затишье, но до него много приходится пережить, переиспытать и просто не вѣрится, что можно когда-либо выйти изъ кроваваго водоворота.

Особенность нынѣшней войны заключается въ томъ, что боевыя столкновения ведутся на огромнѣйшемъ фронтѣ и это до чрезвычайности затрудняетъ ориентировку для небольшихъ частей арміи. Полкъ, даже дивизія, иногда — даже корпусъ, попадаютъ въ тиски, перемѣшиваются, запутываются и не могутъ совершенно дѣйствовать по своей волѣ. Если при этомъ придетъ въ разстройство связь и отдѣльныя части войскъ раз-

брасаются на большомъ пространствѣ, то управленіе войсками, согласованіе ихъ дѣятельности становится неимоверно трудной задачей. Ни сильная воля, ни находчивость высшего начальника, не помогутъ дѣлу и спасти положение можетъ только самодѣятельность начальствующихъ лицъ, пониманіе ими общей обстановки, умѣніе ориентироваться, способность проявить собственную инициативу. Безъ инициативы, безъ самодѣятельности начальниковъ воевать нельзя. Самый гениальный полководецъ безсилеетъ что-либо сдѣлать, если къ нему на помощь не придутъ хорошо подготовленные, хорошо понимающіе дѣло помощники. Но, если они имѣются, то руководимыя ими войска выйдутъ изъ самаго тяжелаго, самаго критическаго положенія.

Дѣйствующая армія.

Отходъ.

Если отступление происходит даже не по винѣ сражающихся,—а по приказанію выше, по стратегическимъ соображеніямъ, недоступнымъ пониманію каждаго бойца,—то и въ этомъ случаѣ „отходъ“ производитъ гнетущее впечатлѣніе.

Настроение, пожалуй, и не подавленное, но—скверное. Является какое-то сознание, что вы уступили врагу, что вы не устояли передъ его настойчивостью, передъ его стремленіемъ навязать вамъ свою волю.

Нельзя скрыть какого-то неприятнаго чувства обиды. Каждый нашъ солдатъ и каждый офицеръ въ отдѣльности сознаютъ свое боевое превосходство надъ каждымъ отдѣльнымъ бойцомъ нашихъ враговъ. Это, положительно, могутъ подтвердить всѣ безпристрастные участники войны. И вотъ, при такихъ понятіяхъ о врагѣ отступление передъ нимъ вызываетъ горькое, обидное чувство.

Сборы передъ отступленіемъ всегда торопливы. Неизбѣжна суета. Въ ближайшемъ тылу въ обозахъ нервность. Ходятъ разные нелѣпыя, часто преувеличенные слухи, является опасеніе, что противникъ не позволитъ безнаказанно отойти, что онъ уже на флангахъ, или въ тылу и сторожитъ богатую добычу.

Дѣйствительно, противникъ зорко слѣдитъ и старается уловить симптомы намѣченнаго отступления, чтобы вцѣпиться мертвой хваткой въ отступающаго, чтобы извлечь какъ можно больше выгодъ изъ невыгоднаго положенія отступающаго. Нужно обмануть зоркость врага и выиграть пространство, уйти незамѣтно. Отходъ нашихъ войскъ днемъ-ли, ночью, всегда происходитъ безъ излишней торопливости съ полной готовностью отразить вражескій натискъ, но все же и такой спокойный отходъ болѣзненно томить душу.

Разсудокъ приводитъ основательные доводы, оправдывающіе временное отступление, но сердце не мирится съ отходомъ и сокрушается...

Вотъ, во мглѣ ночи изъ темныхъ окоповъ потянулись силуэты бойцовъ. Постепенно они стягиваются въ длинныя колонны и выходятъ на дороги.

Говора—не слышно. Только гулъ шаговъ, да позвякиваніе оружія, котелковъ, лопатъ и топоришковъ. Изрѣдка пострѣливаютъ у противника дежурные стрѣлки, имъ отвѣчаютъ наши развѣдчики, оставленные въ окопахъ. По небу скользятъ лучи неприятельскаго прожектора. Временами на нѣсколько мгновенія блеснетъ ракета. Темная даль освѣщена заревомъ далекихъ пожаровъ.

Пожары—неразрывные спутники отхода. Кое-гдѣ ночную мглу прорѣзываютъ лучи потайныхъ фонариковъ, или вспышки электрическихъ лампочекъ.

Долго и молча идутъ колонны. Холодно. Сыро. Угрюмо. Малѣйшая остановка впереди задерживаетъ всю колонну.—Остановки по неизвѣстной причинѣ—особенно томительны, особенно неприятны.

Ночь кажется безконечно долгой. Сѣрые лучи разсвѣта тускло освѣщаютъ медленно ползущія колонны войскъ и безконечныя вереницы обозовъ съ дымящимися походными кухнями.

Отходъ всѣмъ неприятенъ, на всѣхъ дѣйствуетъ подавляюще. Не слышно обычныхъ шутокъ, не замѣчается того беззаботнаго веселья, которое не оставляетъ нашихъ солдатъ даже въ минуты боевой опасности.

Невольно задаешь себѣ вопросъ: куда-же, до какихъ поръ будемъ вести мы, сильные волей, сильные духомъ, готовые на самопожертвованія, на своихъ плечахъ врага въ наши предѣлы въ глубь нашей необъятной родины? И при сѣромъ, тускломъ разсвѣтѣ, когда солнца еще нѣтъ, и лишь кровавая заря загорается на востокѣ, перемѣшиваясь съ заревомъ пожаровъ, находятъ отвѣтъ на тяжелый, давящій мозгъ вопросъ. Да, предѣлъ будетъ! О немъ говорить не только мужественные бойцы, которыхъ угодно съ поля брани, которые всегда готовы остановиться и до конца исполнить

свой долг. О немъ говорятъ и густые, дремучие лѣса, большими темными пятнами закрывающіе на горизонтѣ свѣтъ зари и топкія болота, покрытыя ярко зеленою осокою и теряющіяся въ безконечной дали равнины и эти ужасныя дороги, покрытыя топкою грязью и, наконецъ, эти всюду пылающія зарева пожаровъ.

Врагъ не торопиво, съ большой опаской слѣдуетъ по нашимъ пятамъ. Когда уже наши окопы оставлены, когда колонны темными змѣями уже давно вытянулись далеко на востокъ, врагъ все еще не рѣшается заглянуть въ эти чернѣющіе окопы, откуда на встрѣчу ему лились огненные потоки смерти. Онъ съ опаской, крадучись, пробирается впередъ. Сперва отдѣльные смѣлые развѣдчики рѣшаются заглянуть въ

окопы и лишь найдя ихъ пустыми, врагъ торжествуетъ“ свою побѣду. Онъ съ радостью бросается въ покинутые нами окопы, оглашая воздухъ восторженными криками. Въ тыль идутъ вымышленныя побѣдныя реляции, а вслѣдъ за отошедшими русскими войсками тянутся съ опаской, съ большой опаской, преслѣдующія колонны врага. Ихъ давить растилающаяся предъ ними безпредѣльная даль, ихъ изнуряетъ суровый холодъ ночей, отсутствіе крова, пищи, тягость переходовъ по дурнымъ дорогамъ. Какъ безпечные мотыльки на огонь летятъ враги на зарево растилающихся передъ ними пожаровъ и какъ мотыльки погибнуть, должны погибнуть.

Дѣйствующая армія.

IX.

Радость преслѣдованія.

Бой затяжной и упорный еще длится. Орудія бухаютъ, тяжелые снаряды падаютъ, глубоко врываясь въ рыхлую землю и вздымая облака пыли, шрапнель съ рѣзкимъ трескомъ рвется въ воздухъ, осыпая землю и бойцовъ градомъ осколковъ и пуль. Съ короткими передышками трещатъ пулеметы и звонко поютъ ружейныя пули. Отъ лѣса отражается раскатистымъ эхомъ весь этотъ боевой гулъ, заглушающій отдѣльныя отрывистыя фразы командъ, глухіе стоны раненыхъ и громкіе нервные возгласы бойцовъ.

Сегодня—для насъ счастливый день. Умѣло задуманный маневръ развивается успѣшно. Врагъ прикованъ нашимъ мѣткимъ огнемъ къ фронту нашихъ окоповъ, а, въ это время, по топкимъ болотамъ, по густой заросли лѣсовъ, пробираются наши обходящія колонны.

Вотъ, далеко, направо, раздались глухіе удары, залились едва слышныя издали пулеметы. Врагъ обойденъ. Онъ уже встревоженъ. Это чувствуется по измѣнившемуся нервному темпу стрѣлбы, по суетливымъ

перебѣганіямъ изъ окоповъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Наоборотъ, у насъ явно чувствуется подъемъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ, по сразу, какъ-то все почувствовали, что успѣхъ склоняется на нашу сторону. Изъ устъ въ уста передается въ окопахъ, что наши обходятъ, что противникъ готовится уходить. За нимъ теперь зорко слѣдятъ съ наблюдательныхъ пунктовъ артиллеріи, изъ передовыхъ окоповъ. Съ жадностью ловятся симптомы вражескаго пораженія.

Одна за другой приходятъ радостныя вѣсти. Телефоны работаютъ непрерывно. У деревни О... окруженъ непріятельскій полкъ, сообщаютъ изъ сосѣдней дивизіи. „N—скіи полкъ въ лѣсу, прорвавъ линію непріятельскихъ окоповъ, окружилъ и взялъ 3500 пѣнныхъ съ 10-ю пулеметами“,—сообщаетъ штабъ корпуса. Эти радостныя извѣстія съ быстротою молнии распространяются по окопамъ, и какъ магически дѣйствуютъ они на бойцовъ.

Побѣда опьяняетъ, какъ вино. Только что считалось опаснымъ выглянуть изъ око-

повь, а теперь глядите: во весь рост одинъ за другимъ, подымаясь, бросаются впередъ засидѣвшіеся солдаты. Беспорядочно нервный огонь противника еще продолжается, но это огонь—уже не страшный.

Рои дулъ летятъ высоко надъ головою. На нихъ не обращаютъ никакого вниманія. Забывая всякую предосторожность, офицеры и солдаты стремительно несутся впередъ. Еще цѣлая огромная полоса отдѣляетъ нашихъ бойцовъ отъ противника, еще на пути коварныя сѣти колючей проволоки, но и она не страшна теперь. Гдѣ-то рѣзко и радостно раздалось „ура!“ и тотчасъ-же ожило все поле. Крикъ растетъ и ширится. Онъ становится могуче-стихійнымъ, ему вторятъ орудія, бросающія свои снаряды черезъ головы своей пѣхоты по резервамъ противника.

У неприятеля—паника. Въ переднихъ окопахъ замелькали бѣлые платки. Изъ дальнихъ окоповъ, какъ изъ потревоженныхъ гнѣздъ, выбѣгаютъ сѣрыя группы и мчатся назадъ—ихъ мѣтко бьетъ наша шрапнель. Только отдаленныя линіи, куда не достигають наши снаряды, спѣшно уходятъ. Но и здѣсь не повезло врагу.

Вотъ наша батарея мчится прямо къ первой линіи вражескихъ окоповъ—мгновенно снимается съ передковъ и открываетъ бѣглый огонь по бѣгущему врагу. Изъ разныхъ мѣстъ растянутого фронта изъ-за окоповъ вынырнули казаки и, рассыпавшись въ длинную извилистую „лаву“, понеслись влѣдъ за бѣгущими.

Въ рядахъ противника—полное смятеніе. Изъ окоповъ высыпаютъ все новыя и новыя толпы, онѣ и не думаютъ бѣжать. Какъ зачарованныя стоятъ онѣ на мѣстѣ. Оттуда-то появились бѣлые флажки, застывшіе въ вытянутыхъ вверхъ рукахъ. На слабѣющихъ не обращаютъ вниманія. Преслѣдующіе мчатся впередъ, чтобы задержать заднихъ, захватить тѣхъ, кто пытается уйти за предѣлы досягаемости нашихъ выстрѣловъ.

Да, побѣда понятнѣе сладостна! преслѣдованіе увлекательно. Не чувствуется ни усталости, ни опасности. Силы—удесячере-

ются. Все кажется возможнымъ, все доступнымъ.

Вечерній спасительный для противника сумракъ затягиваетъ туманной завѣсой даль. Досадно. Становится понятнымъ возгласъ Иисуса Навина: „Стой, солнце!“...

Въ сумрачныхъ даляхъ скрывается спасшійся врагъ, но оставленная имъ добыча—велика. Тысячи плѣнныхъ, десятки пулеметовъ, масса оружія, склады патроновъ, запасы, повозки, амуниція.

У насъ возбужденно радостное настроеніе. Каждый чувствуетъ себя участникомъ большаго дѣла, которымъ можно гордиться. Каждый рассказываетъ о степени своего личнаго участія, о томъ, какъ онъ повліялъ на общій успѣхъ. Побѣда сближаетъ людей далекихъ, разсѣиваетъ неприязнь, смягчаетъ злобу, зависть. Побѣда—лекарственный бальзамъ, ксѣвляющій душу, превращающій робкихъ въ храбрцовъ, сомнѣвающихся въ вѣрренныхъ, слабыхъ въ сильныхъ.

Врагъ сдвинуть съ позицій, которыя онъ долго занималъ, упорно оборонялъ. Сдвинуть въ тотъ моментъ, когда считалъ свои дѣла превосходными, когда надѣялся продолжать наступленіе, побѣдоносно шествовать впередъ. И какимъ, дѣйствительно, жалкимъ оказался этотъ врагъ при первомъ-же сдвигѣ назадъ, при первой-же крупной неудачѣ.

Цѣлыя дивизіи приходятъ въ полное разстройство. Тысячи плѣнныхъ устилаютъ дороги. Тщетно стали-бы мы на ихъ лицахъ искать слѣды унынія, или печать раскаянія. Видъ у нихъ неважный по вѣщности, но они все—ужасно довольны, что попали въ плѣнъ. Очень услужливо, перебывая другъ друга, отвѣчаютъ они на предлагаемыя вопросы и охотно сообщаютъ даже такія свѣдѣнія, о которыхъ ихъ не спрашиваютъ. Говорятъ громко, жестикулируя и положительно не могутъ скрыть своего удовольствія по поводу того, что уже „окончили“ войну.

Со всѣхъ сторонъ тянутся сѣросіяныя колонны плѣнныхъ. Ихъ ведутъ свои-же офицеры, наблюдая за порядкомъ. Нашимъ некогда возиться съ плѣнными. Нужно продолжать преслѣдованіе; нужно использовать свой успѣхъ, свое счастье, свою побѣду.

Востокъ еще не алфеть, а на бивуакахъ уже суета. Въ ночной мглѣ, холодной и пронизывающей, говоръ, скрипъ подводъ, лязгъ оружія. Дымятъ походныя кухни, пробуждаясь отъ сладкаго сна, короткаго, но все-же подкрѣпившаго силы, войска готовятся къ новому тяжелому дню, къ новой утомительной работѣ. Но предстоящій трудъ радостенъ и сегодня мы будемъ гнать врага и сегодня мы будемъ торжествовать.

Пусть это хотя и крупный, но частный успѣхъ. Пусть это еще не общее наше торжество, не окончательная еще наша побѣда. Но все-же ее значеніе велико и симптоматично. Мы видимъ, что вражескіе свинцовые и желѣзные ураганы не сокрушили русскую силу. Ураганы огня пролились на нашу землю, но не забили ее, не лишили ее живой силы, которая все-же страшнѣе металла, страшнѣе самаго ужаснаго ураганъ огня. Буря — не вѣчна, она разсѣется; солнце проглянетъ. Вотъ уже послѣ всѣхъ усилій врага, послѣ крайняго его напряженія, въ моментъ его наибольшаго самообольщенія, врагъ получаетъ жестокий ударъ. Онъ видитъ, что передъ нимъ все та-же несокрушимая, неиз-

сымая русская сила, готовая каждую минуту возродиться, чтобы сказать свое грозное слово.

Нашъ частный успѣхъ на юго-западномъ фронтѣ можетъ и долженъ развиваться въ общій успѣхъ. Пусть этотъ частный успѣхъ окрылитъ надеждой всѣхъ на всемъ просторѣ нашей родины, всѣхъ, стремящихся къ общей побѣдѣ, трудящихся для достижения этой побѣды.

Мы идемъ впередъ, мы преслѣдуемъ разбитаго, бѣгущаго противника. Въ нашихъ рядахъ — подъемъ и воодушевленіе. Намъ всѣмъ ненавистно и противно отступленіе и когда настанетъ день (а онъ настанетъ неизрѣменно), въ который можно будетъ сказать „впередъ“, армія вся, отъ Ея Вѣнценоснаго Верховнаго Главнокомандующаго до послѣдняго рядового бойца, будетъ исполнена радостнымъ торжествомъ и пойдетъ впередъ, готовая на новыя жертвы, на новыя тяжкіе труды, на новыя подвиги, во имя столь нужной для Россіи сладостной побѣды.

Дѣйствующая армія.

1938

Цѣна 10 коп.

**СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ВЪ КОНТОРѢ „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“**

(Ланжероновская, 8)

УСЛОВІЯ ОПТОВОИ ПРОДАЖИ УЗНАТЬ ТАМЪ-ЖЕ.
